

Radbil', Timur Ben'juminovič

Инновационные тенденции в русском языке последних лет в лингвокультурологическом освещении

Новая русистика. 2008, vol. 1, iss. 2, pp. [51]-63

ISSN 1803-4950 (print); ISSN 2336-4564 (online)

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/116208>

Access Date: 21. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

Тимур Б. РАДБИЛЬ
(Нижний Новгород)

Инновационные тенденции в русском языке последних лет в лингвокультурологическом освещении

The Innovative Tendencies in the Russian of Recent Years in the Elucidation of Linguistics and Cultural Studies

The author of the present article makes an attempt at the evaluation to what extent the innovative tendencies in contemporary Russian correspond to certain ways of language conceptualization of the world typical especially of Russian mentality, of the Russian language map of the world.

The starting position of the research consists in the presupposition that in the sphere of innovative phenomena in the Russian of recent years the contradiction of the two dialectically antinomical tendencies can be observed. On the one hand, it represents the reflection of the Russian principles of conceptualization of the world in language, on the other, the directly opposite tendencies can be seen according to which many innovations began to reflect the cognitive, axiological and motivational-pragmatic orientations not characteristic of Russian „world outlook“. The research is being realised on the material of Russian on the internet, in concrete terms, in the sphere of informal internet communication (chats, forums, conferences, blogs etc.) as this very environment represents one of the most dynamic and most actively developing communicative systems in Russian speech practice.

В русской речи последних лет наблюдается значительный рост инновационных явлений как в лексической, так и в грамматической сфере, что связано с постоянно меняющимися социокультурными и коммуникативными условиями ее бытования. В силу этого очевидным образом возникает проблема оценки этих явлений: ведут ли они к деструкции системы языка, или, напротив, расширяют ее креативные и адаптивные возможности; выступают ли они как проявление недостаточной компетенции носителей языка, или, напротив, свидетельствуют об их стремлении осознанно использовать отклонения от норм в номинативных и экспрессивных целях и пр. [Радбиль 2008: 493].

Одна из расхожих точек зрения на инновационные тенденции в лексике и грамматике русского языка последних лет состоит в том, что русский язык окончательно подпал под влияние «западных образцов», «погребен» под массивом многочисленных неоправданных заимствований и чуждых нам инокультурных норм речевого поведения. Однако подобная точка зрения не учитывает, что любой развитый литературный язык с богатými культурными традициями (к каковому, безусловно, следует отнести и русский язык) располагает значительным потенциалом аккумуляции «своего» и апроприации «чужого», что в целом является залогом его дальнейшего обогащения и развития.

Указанные соображения приводят нас к попытке осветить данную проблему в лингвокультурологическом ракурсе, а именно – оценить, в какой мере инновационные тенденции в русском языке наших дней соответствуют определенным способам языковой концептуализации мира, характерным именно для «русской ментальности», для русской языковой картины мира.

Теоретической базой предлагаемого подхода является развиваемая в лингвистике конца XX–начала XXI вв. в рамках антропоцентрической парадигмы гуманитарного знания теория языковой концептуализации мира: «... в каждом естественном языке отражается определенный способ восприятия мира, навязываемый в качестве обязательного всем носителям языка. В способе мыслить мир воплощается цельная коллективная философия, своя для каждого языка» [Апресян 1986: 5].

На этом фоне складывается научный концепт «языковая картина мира», под которой принято понимать «совокупность представлений о мире, заключенных в значении разных единиц данного языка (полнозначных лексических единиц, «дискурсивных» слов, устойчивых сочетаний, синтаксических конструкций и др.), которые складываются в некую единую систему взглядов, или предписаний...» [Зализняк 2006: 206–207].

Многие исследователи писали о значимых для русского человека культурных смыслах, отраженных в семантике слов и выражений, грамматических категориях и синтаксических конструкциях обыденного языка [Веж-

Иновационные тенденции в русском языке

бицкая 1997; Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005 и др.]. Это и идея непредсказуемости мира, и идея неконтролируемости или ослабленности субъектного контроля за событием, это и своеобразие ценностной ориентации, при которой такие очевидно «общественно полезные» вещи, как, например, рациональность, амбициозность, «закрытость» внутреннего пространства от других (англ. *privacy*), деловитость и практичность могут оцениваться отрицательно, поскольку они иррелевантны по отношению к нравственной составляющей указанных свойств, etc. Представляется, что вполне допустимо поставить вопрос, насколько релевантны эти и многие другие черты русского «взгляда на мир», отраженного в языке, по отношению к современной языковой ситуации.

Исходное положение данной работы заключается в том, что в сфере инновационных явлений в русском языке последних лет наблюдается противостояние двух диалектически противоречивых тенденций. С одной стороны, для многих инновационных процессов, происходящих сегодня в лексике (в целях нашего исследования мы сочли целесообразным объединить в одну группу лексико-семантические и лексико-словообразовательные процессы) и грамматике нашего языка, характерно отражение именно русских принципов концептуализировать мир в языке. С другой стороны, наблюдаются и прямо противоположные тенденции, когда, то ли под влиянием изменившихся социокультурных и коммуникативных условий, то ли под влиянием инокультурных и «иноментальных» жизненных установок, активно проникающих в современное русское концептуальное пространство, многие инновации начинают отражать и несвойственные русскому «взгляду на мир» когнитивные, ценностные и мотивационно-прагматические ориентиры.

В качестве языкового материала для исследования выступает русский язык в среде Интернет, так как, на наш взгляд, на сегодняшний день именно эта среда представляет собой одну из наиболее динамичных и активно развивающихся коммуникативных систем в русской речевой практике. Прежде всего нас интересует область «неформального Интернет-общения» (чаты, форумы, конференции, блоги и пр.). Причем отбираются лишь те примеры, которым может быть приписан аналог в обычной разговорной речи в «реальном режиме коммуникации»: в область исследования, следовательно, не попадают языковые приметы, специфичные только для Интернет-коммуникации: «язык паддонков», специальный сетевой жаргон и пр.).

I. Иновационные тенденции в лексике и словообразовании

1.1. Очень характерно именно для русского типа языковой концептуализации действительности использование отглагольной лексемы, которая как бы охватывает всю ситуацию в целом или весь комплекс психических состояний лица, что отражает отмеченную во многих источниках ориен-

тацию русской языковой картины мира на динамическое осмысление мира, на «повышенную глагольность». Так, окказионализм *догонялово* экспрессивно маркирует целый фрейм ‘аварийное столкновение двух машин на дороге, следовавших одна за другой’: *Видел сёня догонялово серебристого седана ВЗ в камаз (миксер) номер 215 (буквы не помню) на 3-ем транспортном кольце в районе Студенческого моста.*

Употребимость этого слова подтверждается его активным использованием для «схватывания» и других ситуаций. Оно, например, используется в значении ‘поездка на разных транспортных средствах с целью догнать поезд, от которого отстал (на который не попал) говорящий’: *Ведь кто то мог пробить ж.д и ответить мне, и не было бы никакой поездки, никакого догонялова, никакого **напряга** людей в других городах...* Отметим, что иным способом говорящий не смог бы выразить этот блок смыслов с такой емкостью и экспрессией.

Активность в языке «неформального сетевого общения» лексем типа *догонялово* подтверждается и контекстной омонимией, возникающей при употреблении этого же слова в других ситуациях и в других коммуникативных условиях: так, на форуме «Какое пиво вы потребляете?» встречаем актуализацию в этом словоупотреблении другой исходной семантики – просторечного значения *догоняться* ‘употреблять добавочные дозы спиртных напитков для достижения нужного говорящему состояния’: *Народное догонялово.*

О том, что можно говорить именно об инновационной тенденции, свидетельствует наличие в узусе модели образования подобных слов и от других глагольных основ: ... *брали завтрак, без него не бронируют, но из еды было лишь **поилово** типа кофе из машины...* Причем и эти лексемы ведут себя подобно слову *догонялово*, т.е. обладают способностью маркировать разные ситуации и обозначать разный набор смыслов. Если в вышеприведенном примере перед нами — значение ‘питье’, то в следующем – уже обозначен целый фрейм ‘празднование, сопровождающееся (обычно) обильной выпивкой’: *Завтра супер-поилово – 50 лет нашей конторе.*

Активность модели доказывают также аналогические образования типа: *Дождись, завтра будет тебе и **нажиралово**!!!!И **поилово**!!!* Нетрудно заметить, что в первой лексеме контаминируется два смысловых ряда: первый – связан с прямым значением разговорного слова *нажираться* ‘обильно есть’, а второй – с просторечным переносным значением ‘обильно выпивать спиртное’, что усиливает смысловую емкость подобных словоупотреблений.

В этом плане также примечательно и широкое распространение в самых различных контекстах просторечной лексемы *напряг*, которая также с высокой степенью семантической емкости и экспрессии охватывает целый нерасчлененный комплекс психических состояний лица с доминирующей идеей

Инновационные тенденции в русском языке

‘внутреннего собирания для совершения к.-л. действия’, специфичной для русской языковой картины мира (ср. рассуждения о глаголе *собираться* в книге [Шмелев 2002: 45–47]).

В сфере инноваций в глагольной сфере отметим следующее: для русского способа языковой концептуализации мира характерно избыточное представление в глагольной лексеме: (1) либо образа предмета действия, (2) либо отношения говорящего к собственному действию.

Первое выражается в отмеченной еще В. Г. Гаком тенденции к «семантическому согласованию глагола с субъектом или объектом», когда русский язык различает, например, такие случаи: *Книга на столе лежит*, а *Стакан на столе стоит*, при том, что французский язык использует для этого одно слово *mettre* с обобщенной семантикой ‘находится, помещается’ [Гак 1966: 81 и далее]. Это создает особую смысловую емкость и образность в концептуализации ситуации русскими глагольными конструкциями.

Нами отмечены некоторые инновационные тенденции, развивающие данный тип концептуализации ситуации. Это выражается, например, в активном вхождении в речевую практику экспрессивных глагольных лексем (из жаргона или профессиональной речи), которые тем самым характеризуются значительной семантической емкостью: *Ведь кто то мог пробить ж.д и ответить мне, и не было бы никакой поездки...* Здесь глагол *пробить* означает не просто ‘добыть некую информацию’, но и имплицитно включает в себя овеществленно-метафорическое представление образа адресата действия как объекта физического воздействия + характеристику действия со стороны его субъекта ‘приложить к этому значительные усилия’.

Второе выражается в том, что говорящий использует эмоционально окрашенный глагол, как правило, во вторично-метафорических значениях, для концептуализации вполне нейтрального действия или обычной ситуации, что создает повышенный «градус экспрессии» при описании этой ситуации. В плане инновационных тенденций этого типа можно, например, отметить широкое распространение глагола *умереть* (и его сниженных синонимических субститутов типа *сдыхать/подыхать* или, напротив, возвышенного *скончаться*) применительно к атрибутике Интернета или компьютерных технологий: *Жил-был сайт под названием e-fil. Жил. А теперь вот умер. Совсем умер, насмерть; Помогите, винчестер сдыхает!; Вчера скоропостижно скончался домашний комп.* Здесь метафорическая семантика ‘перестать функционировать (для устройства или механизма)’ обогащается некоей интимно-личностной позицией говорящего по отношению к объекту (как к живому существу).

А. Вежбицкая в знаменитой книге «Русский язык» отмечает такую специфичную для русской языковой картины мира черту, как установка на эмоциональное и нравственно или оценочно окрашенное отношение к миру и

к людям [Вежбицкая 1997: 34–35], причем это проявляется даже в ситуациях, которые по логике требуют вполне нейтральной номинации.

Сегодня эта тенденция проявляется в активизации использования стилистически маркированных, экспрессивно насыщенных лексем в позициях, в общем не требующих включения оценки говорящего: *Спроси Анаис, она должна подтвердить, она эксперт по младенческим взглядам*. Отметим, что часто такие словоупотребления носят несколько архаизованный характер. Актуализация архаических лексем в целях усиления экспрессии вообще парадоксальным образом расширяется в речи пользователей, которых трудно заподозрить в знании древнерусского языка: ... *я про богово ни-ни... Токмо про кесарево...*

А. Вежбицкая также в свое время отмечала и богатые возможности русского экспрессивного словообразования [Вежбицкая 1997: 118–136], усматривая в этом склонность к включению субъективной эмоциональной или нравственной оценочности в обозначение лица посредством собственного имени. Думается, что эта тенденция распространяется и на отображение объективных вещей и событий.

Можно отметить, что в русском языке последних лет инновационные тенденции в области экспрессивного словообразования характеризуются тем, что из ряда номинативных единиц вместо стилистически нейтральной единицы немотивированно выбирается максимально нагруженное экспрессивной оценкой обозначение – при этом оно не просто «выбирается», но создается в качестве окказионализма: *Разве это обязывает его отказаться от обычной, средней квартиры с обоями чуть покраще и **меблюхой** чуток деревяннее?* Нетрудно видеть, что контекст в общем не требует столь яркой экспрессы, на фоне нейтральных *квартира* и *обои*.

Также сегодня активно используется типично русский способ концептуализации множества как нерасчлененного целого посредством собирательных форм с суффиксом –J–, которые сами по себе обладают максимумом экспрессии: *Войлочная вишня, миндаль и другое **цветье**. Мне всё это очень нравится.*

Инновационная тенденция в использовании этих форм состоит в том, что они используются просто как экспрессивные субституты нейтральных лексем без значения реальной собирательности: *Сколько **шкафье** стоило не скажу – самая навороченная дверь немана с самыми навороченными замками и то дешевле.* Здесь **шкафье* – не ‘нерасчлененная совокупность шкафов’, а просто ‘шкаф, имплицитно включающий экспрессивную реакцию говорящего’.

Речь может идти о своеобразной экспансии этих форм, которые вытесняют «нормальные» лексемы в единственном числе или, как в следующем случае, обычные *Pluralia Tantum*: ... *а широкое **штаньё** тебе реально пойдёт, ога [= просто штаны].*

Инновационные тенденции в русском языке

1.2. С другой стороны, в инновационных тенденциях, существующих сегодня в лексической сфере, можно видеть и противоположные явления, отражающие уже инокультурные и «иноментальные» влияния. Прежде всего это заключается в некритическом усвоении в русской речевой практике моделей словообразования и синтаксических схем, несвойственных русским нормам и принципам речевого общения.

Так, например, можно отметить немотивированное (и добавим – семантически неадекватное) повсеместное использование иноязычной приставки *анти* в значении *не* (реальная ее семантика – ‘против’) применительно к самым обычным объектам или признакам: ...*очередной антихороший и антиумный фильм российского кинематографа; Ну и, как факт, «Зенит» показал что такое антихороший футбол — и это когда выделяется Денисов!; Угу, а как писатель вы антихороши?*

Подобные случаи разрушают не только словообразовательную и лексико-семантическую систему языка, но и привносят в «русский взгляд на вещи» несвойственные ему способы концептуализации действительности. Чтобы пояснить эту мысль, мы бы хотели остановиться на слове *плюс*. Как известно, еще Дж. Оруэлл в своем «новоязе» предлагал заменить весь многообразный спектр языковой оценочности использованием принципиально безликих и исключаящих какую-либо эмоционально-экспрессивную интерпретацию слов *плюс* и *минус* в качестве префиксов или наречий качественной оценки. Сегодняшняя русская речевая практика не приснилась бы Оруэллу и в страшном сне: *Плюс Фильм студио; Все права принадлежат Питомник-плюс; «Работа Плюс» – найди работу первым!*

Оставляя в стороне вопрос о морфемном и грамматическом статусе этих компонентов, использование которых идет явно вразрез с нормами русского языка, отметим особенности концептуального характера. Дело в том, что употребление слова *плюс* при концептуализации ценностного компонента языковой картины мира представляется нам прямо противоположным по отношению к исходным концептуальным установкам, присущим русскому способу языковой концептуализации мира. Это «холодно-рационалистическая» оценка, лишенная эмоционально-экспрессивной субъектной реакции на изображаемое и нравственно окрашенной координаты, потому что изначально, в пресуппозитивном компоненте, содержит в себе лишь элемент количественной оценки (в системе «много / мало»), что вовсе не означает качественного приращения.

Тем более что в таких, например, употреблениях как: *Ассоциация детских лагерей «Дети плюс»* – могут возникать и непредусмотренные «авторами» фоновые ассоциации. Так, для указанного названия при желании можно усмотреть и такую интерпретацию: существует в пресуппозиции какое-то невербализованное основное занятие для детских лагерей – плюс еще и дети.

Особенно нежелательно для русского языкового сознания проникновение таких элементов в сферу так называемой экзистенциальной оценочности, когда в терминах *плюс / минус* начинают интерпретироваться такие вечные ценности, как любовь, добро, семья и пр. — ср., например, жутковатое: *XXI Портал для всей семьи "Мама Плюс"*.

Также тревожной видится тенденция проникновения подобных оценочных номинаций из языка рекламно ориентированных названий и заголовков в обыденную речевую практику носителей языка — ср. прямо-таки оруэлловскую фразу на одном из форумов: *Потом тема была удалена как плюсплюс антихорошая*.

II. Инновационные тенденции в грамматике

2.1. М. Эпштейн обращает внимание на то, что русская грамматика специфически концептуализирует действие, событие, состояние: «Преобладание непереходности в русском языке способствует становлению непереходного мировоззрения, для которого вещи случаются, происходят, движутся сами собой. Это мир, в котором нечто пребывает в себе или движется само по себе, но ничем не движется и ничего не движет. Действия, обозначенные непереходными глаголами, самодостаточны — они ни на что не переходят... Скорее это даже не действия, а состояния, поскольку у них нет предмета, они замкнуты на самом деятеле» [Эпштейн 2007: 193–194].

В свою очередь, А. Вежбицкая обратила внимание, что, говоря о людях, можно при этом придерживаться двух разных ориентаций: можно думать о них как об агентах, или «деятелях», и можно — как о пассивных экспириенцерах. В русском, в отличие от многих других европейских языков, пассивно-экспириенциальный способ имеет более широкую сферу применимости. Исходя из этого, в работах А. Вежбицкой именно на материале русской грамматики было выявлено несколько фундаментальных свойств, формирующих «семантический универсум» русского языка: иррациональность, неагентивность, тяготение к представлению активного действия субъекта как его пассивного состояния, неконтролируемость субъектом собственного действия как отказ от субъектной ответственности за событие и пр. [Вежбицкая 1997: 33–37 и далее].

Действительно, русский язык предоставляет говорящему на нем массу возможностей снять с себя ответственность за собственные действия. Прежде всего речь идет о различных способах такой языковой концептуализации мира, при которой субъект так или иначе выводится из зоны контроля над событием. Это, например, предпочтение безличного конструкта типа *мне хочется* активному типу *я хочу*, выбор возвратной или страдательной модели вместо агентивной, инфинитивной вместо личной и пр. Во всех этих случаях событие, состояние, действия происходят с субъектом *как бы само собой* —

Инновационные тенденции в русском языке

или по крайней мере «не потому, что он этого хотел», пользуясь выражением А. Вежбицкой.

Вопреки мнению о «дрейфе» современной русской речевой практики в сторону «активизации» деятеля по западным образцам, т.е. об усилении категории транзитивности (переходности), которое, в частности, представлено в цитированной работе М. Эпштейна [Эпштейн 2007], наши наблюдения дают совсем иную картину. Инновационные тенденции в русской грамматике показывают, напротив, значительное расширение сферы применимости пассивно-возвратных и безличных конструкций, особенно применительно к концептуализации ситуаций или психических состояний, которые требуют по логике активного «присутствия» агенса.

Так, типично русский способ концептуализировать «чужое» действие над субъектом речи как собственное состояние субъекта мы обнаруживаем при выборе возвратной конструкции вместо неопределенно-личной: ... *на выступлении Dartz я уронилаь случайно, на меня мгновенно попало еще человек пять-шесть...* [вместо *меня уронили*].

Об экспансии пассивно-возвратных конструкций в русском языке последних лет свидетельствует тот факт, что они расширяют сферу своего образования, в частности, за счет ненормативного образования от непереходных глаголов – типа *умирать, бежать, сидеть, шутить* и пр.: ... *бандэлта не умиралась вроде; Мужская биатлонная эстафета бежалась в рамках Кубка мира в третий и, по сути, последний раз перед стартом на Олимпиаде; ...вторник опять-таки сиделся в сидельне...; Тогда шутился, а сейчас задумался...* Подобные аномальные инновации усиливают эффект концептуализации действия как замкнутого на субъекте состояния, что вполне в духе русской языковой ментальности.

Еще большая активность наблюдается при использовании безличных конструкций: ... *старика так помрут, а чтоб веселей умиралось, им помпезные поздравления и "чествования" на 9-е мая.* Активная конструкция с глаголом все-таки предполагает наличие экспиенцера этого состояния в качестве его субъекта, тогда как конструкция с безличным глаголом *умиралось* усиливает указанную бессубъектность.

Особый интерес представляют безличные конструкции, которые концептуализируют некую ситуацию, предполагающую в норме активное участие агенса в собственном действии: *С сигаретой было "поступлено" абсолютно несправедливо...* Речь идет о том, что говорящий вообще-то сам как-то поступил с сигаретой, но примечательно, что субъект всячески избегает контроля даже за собственным, вполне очевидным для него действием.

Иногда выбор подобной безличной конструкции обладает значительным потенциалом семантической емкости и экспрессии: *Арчи, ну, мы ж за тебя отомстили... ему больше упалось...* В данной концептуализации события

предпочтение безличной конструкции обычному *Он больше упал* оправдано специфической интенцией говорящего представить случайное в общем событие как знак действия неких высших сил (в таких случаях А. Вежицкая говорит о «фатализме» в русском способе концептуализировать события).

Расширяющаяся экспансия безличных моделей представления события подтверждается и использованием подобных конструкций для концептуализации вневременных, узуальных действий субъекта как бессубъектных пассивных состояний: *В каких кроссовках лучше прыгается?* Примечательно, что в подобных случаях сам русский язык не предоставляет говорящему возможности выбрать альтернативный способ выражения этой мысли посредством активной конструкции (альтернатива с инфинитивом *лучше прыгать* так же принципиально бессубъектна).

В области имен существительных тоже можно отметить одну любопытную инновационную тенденцию, которая, по-видимому, также может корениться в особенностях русского «взгляда на мир». Это – стремление говорящих маркировать эмоционально или ценностно значимый для них объект формой мужского рода, даже если в норме такая форма образована быть не может: ... *выхожу из "Кольца", а мой машин на эвакуаторе красуется...* Здесь можно видеть стремление говорящего «повысить» значимость объекта номинации за счет придания ему более «мужественной» формы рода.

Примечательно, что в целях повышенной экспрессии говорящие склонны менять на окказиональную форму мужского рода не только форму женского рода, но и даже среднего (который, очевидно, воспринимается как «нейтральный» – ср. латинское обозначение среднего рода *neutrum* ‘ни тот, ни другой’): *Мой ух!* (подпись под фото на форуме про пирсинг).

Аналогичные явления наблюдаются и в случае с существительными *Pluralia Tantum*: *А я вот где-то белыми штанами каплю гудрона (черной смолы) поймал... Че делать? Жалко новый штан.* Обратим внимание, что здесь *штан вовсе не означает ‘одна брючина’, здесь *штан = штаны, но ‘эмоционально, ценностно значимые для говорящего по какому-л. признаку’.

2.2. Как и в случае с инновационными тенденциями в области лексики, и в грамматической сфере мы можем наблюдать прямо противоположные явления, а именно – использование инновационных грамматических конструкций, направленных на концептуализацию события по несвойственным русскому типу концептуализации моделям и схемам. Речь идет прежде всего о возникновении окказиональных форм переходных глаголов (по сути своей предполагающих активного деятеля) на базе исходных возвратных глаголов, в системе не имеющих активных коррелятов – типа *бояться, смеяться, улыбаться, очутиться* и пр.: *Улыбайте ваши лица.*

В этих случаях подобным образованиям приписывается несвойственная им в коллективном сознании носителей русского языка семантика активной

Иновационные тенденции в русском языке

каузации действия, вместо изначального значения пассивного состояния экспериенцера: *Прошу не смеять меня!* = не смешить, т.е. 'не каузировать меня смеяться'. То, что это не просто случайные явления, а проявление устойчивой аналогической тенденции, доказывают другие примеры: *Решил вас улыбнуть*; *Думаю, посадить десяток деревьев незаметно просто не получится. Можно "случайно" телевидение там же "очутить"...*; *Ведь награды победителей будут использоваться долгие годы и красовать глаз всех посетителей...*

Однако надо отметить, что все же, несмотря на свою определенную активность, процесс «развития переходности» в современной русской речи по степени своей распространенности не может идти ни в какое сравнение с обратным процессом «экспансии безличности или пассивно-возвратности».

Надо сказать, что многие иновационные тенденции в лексике и грамматике русского языка последних лет иррелевантны по отношению к отражению «своих» или «чужих» способов языковой концептуализации мира.

Так, многие лексические инновации могут служить обычным для устной речи средством экономии, выступая при этом и в качестве экспрессивных новообразований, например: **инфа* ← информация: *Значит если в тех ответах была нужная инфа, то иначе как скотство и назвать и нельзя...*, — по аналогии с уже устоявшимся сетевым жаргонизмом *конфа* ← (Интернет-) конференция. Некоторые единицы образуются как бы для восполнения отсутствующей в системе номинативной единицы – например, от аббревиатуры УЗИ закономерно образуется прилагательное *узишный*, т.к. иным способом говорящий просто не может выразить эту мысль: *Я вот хотела одно время фотку узишную показать...*

В области грамматики многие инновации просто демонстрируют стремление говорящего как бы заполнить осознаваемые им «пустые клетки» в грамматической системе. Прежде всего это касается многочисленных случаев образования причастий будущего времени: ... *прочитающий внимательно эту статью поймет многое о психологии большинства человеков*;... *считаю что курящий по праздникам = со временем закурящий и без них...*

Ряд грамматических инноваций выступает просто в качестве формально-структурных субститутов соответствующих нормативных форм. В сфере имен, например, это распространенное явление образования окказиональных форм числа существительных, которые в системе языка образуются супплетивно: ... *а сейчас мнусь и думаю, что может покажу потом, когда уже деть родится*.

Обследованный материал позволяет сделать некоторые выводы, не претендующие на глобальные обобщения по поводу тенденций развития современной русской речи, но все же обнаруживающие некоторые примечательные закономерности.

(1) Оценивая инновационные явления в лексике и грамматике русского языка последних лет, мы не можем однозначно утверждать, что, в плане именно способов языковой концептуализации мира, русский язык окончательно подпал под влияние чуждых ему ментальных, социокультурных и поведенческих моделей. По меньшей мере, мы наблюдаем противостояние двух диалектически противоречивых тенденций, что для такого развитого литературного языка с богатыми культурными традициями, как русский, есть нормальное состояние в плане постоянного расширения его экспрессивных возможностей и существенный фактор его дальнейшего обогащения и развития.

(2) Разные уровни языка обладают разной степенью релевантности в плане апроприации (усвоения) глубинных концептуальных структур «чужих» способов языковой концептуализации мира. Вполне естественно, что в условиях новых социокультурных реалий и коммуникативных потребностей изменения именно в сфере лексики представляются наиболее активными. Но в плане языковой концептуализации мира они носят относительно поверхностный характер, тогда как именно изменения в сфере грамматики как глубинного концептуального каркаса мысли о мире, запечатленной в коллективном языковом сознании, представляются наиболее релевантными с этой точки зрения. А в области грамматики мы все же наблюдаем доминирование именно традиционно русского способа концептуализировать действительность в слове, хотя некоторые «иноментальные» влияния прослеживаются и здесь.

Использованная литература:

1. Апресян, Ю. Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира. In: Семиотика и информатика. Москва 1986, выпуск 28, с. 5–33.
2. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание. Москва 1997.
3. Гак, В. Г. Беседы о французском слове (Из сравнительной лексикологии французского и русского языков). Москва 1966.
4. Зализняк, Анна А. Многозначность в языке и способы ее представления. Москва 2006.
5. Зализняк, Анна А., Левонтина, И. Б., Шмелев, А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. Москва 2005.
6. Радбиль, Т. Б. Инновации в языке сети Интернет как реализация креативного потенциала языковых аномалий. In: Язык средств массовой информации как объект междисциплинарного исследования:

Инновационные тенденции в русском языке

Материалы 2-й Международной конференции: МГУ имени М. В. Ломоносова. Москва 2008, с. 493–496.

7. Шмелев, А. Д. Русская языковая модель мира: Материалы к словарю. Москва 2002.
8. Эпштейн, М. О творческом потенциале русского языка. Грамматика переходности и транзитивное общество. Знамя, №3, 2007, с.193–208.

